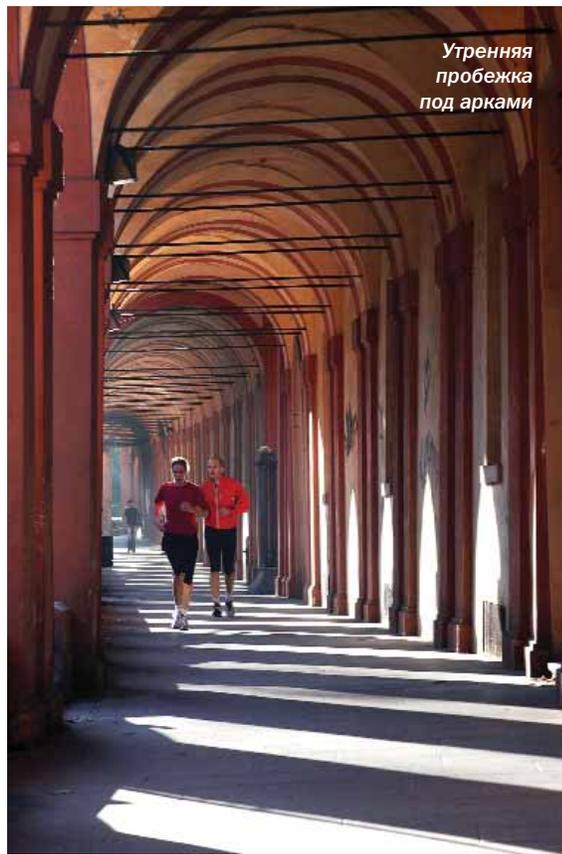

БОЛОНЯ

Чем больше езжу по миру, тем чаще посещает мысль о вопиющей несправедливости: сотни городов и городков, к которым в любой другой стране стояла бы с утра до вечера почтительная очередь из туристов, в Италии вынуждены тягаться с тяжеловесами: Римом, Венецией, Флоренцией, и в результате остаются... самими собой. Одно из таких вяло окученных иностранцами мест — Болонья. Проезжают через нее туристы по пути из Флоренции в Венецию, но из поезда не выходят.

Вообще-то этому исторически сложившемуся торговому городу с одним из самых высоких доходов на душу населения туристы особо и не нужны. Недаром Болонья получила прозвище “жирная” (la grassa). То, что болонцы большие любители выпить и закусить, хорошо известно в Италии, но не одним лишь кулинарным аршином меряют благополучие жителей города, да и на мой вкус болонские тортеллины уступают по тонкости хотя бы миланскому ризотто. Только не говорите об этом болонцам: им тортеллины напоминают пупок Венеры! Пусть

Утренняя пробежка под арками

Ярко освещенные витрины на улице Д'Азеглио

представление о Болонье как о гурманском эдеме и не сильно преувеличено (все-таки именно здесь базируется Академия итальянской гастрономии), но уж оно точно несправедливо заслоняет многое другое, чем богат этот город.

Болонью не проглотить за полдня, ее основным достопримечательностям — прогулкам, беседам с болонцами (попробуйте найти хоть одного, кому нравится Берлускони!), еде и питью — надо дать время. Взгляд притягивают не Коллизей или падающая башня, а элегантно оформленные магазины на

Виа Сан Феличе и люди, сидящие в кафе — кстати, в Болонье нет нужды заказывать “ristretto”, если не хотите жевать зерна кофе, там и так варят самый крепкий эспрессо в Италии. Правда, тут есть две свои покосившиеся башни, но оттого, что косятся они в окружении других зданий, то падают не так драматично. Здесь нет достопримечательностей, вроде галереи Уффици во Флоренции, которые кровь из носа надо посмотреть, тут можно вообще в музее не заглядывать, потому что ценна текстура целого. И немудрено, что когда выезжаешь из цен-

тра города, кажется, что оставляешь позади какую-то гигантскую театральную декорацию. Как тут не вспомнить, что династия знаменитых театральных архитекторов Бибьена была родом из Болоньи.

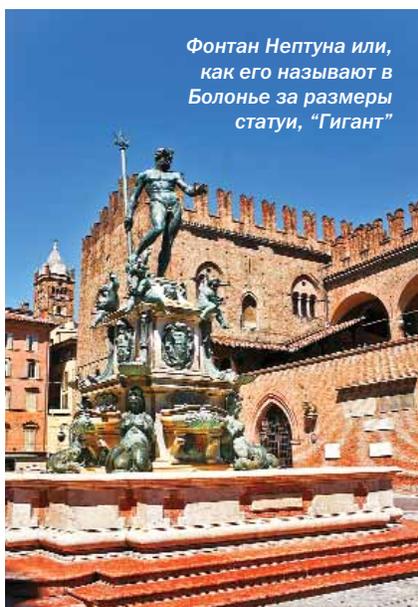
Застывшие в мнимой архитектурной гармонии дворцы и площади Болоньи на самом деле кусочки в винегрете из средневековья, ренессанса, барокко и неоклассицизма, но эти разные стили буквально связывают знаменитые болонские портики — 38 км галерей портиков. Я благодарен этим нескончаемым вереницам арок и колонн, прячась среди них от полуденного солнца или внезапного дождя. Портиковым апофеозом бесспорно будет трехкилометровая анфилада, ведущая от Сарагосских ворот вверх к Базилике Мадонны Сан Лука, смотрящей на город с 300-метрового холма, а история появления портиков связана с другим прозвищем Болоньи — “ученая” (la dotta). В 1088 году в Болонье открылся первый в Европе университет, и в город повалили студенты. В те времена учеба была уделом людей состоятельных, и за каждым студентом следовала немалая свита. Селить приезжих было негде, и горожане начали расширять верхние этажи, потому что налогом облагалась лишь площадь первого. Поначалу надстройки над улицей подпирались деревянными колоннами, но со временем они обрели благородную поддержку в кирпиче, создав километры уникального городского пространства, куда нынче вечерами выплескиваются из тракторий и остерий студенческие споры и поцелуи.

Как настоящий студенческий город Болонья полна велосипедистов и сама похожа на велосипедное колесо: пройти вдоль одной из ее “спиц” к центральной Пьяцца Маджоре гораздо проще, чем попытаться перескочить с одной спицы на другую. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на карту, но я предпочитаю личную инспекцию с высоты птичьего полета и лезу на чуть кривоватую башню Азинелли по деревянной лестнице, напоминающей те, что заводят ум за разум на рисунках Эшера. У Азинелли есть младшая сестра — башня Гаризенда, которая более пьяна и отклоняется от своего основания на 3 с лишним метра, из-за чего ей снесли верхушку, чтобы

не завалилась. Между XII и XIII веками более ста башен были построены зажиточными болонскими семьями, чтобы похвалиться своим богатством, но меньше 20 дожили до сегодняшнего дня. Семьи Азинелли и Гаризенда явно соревновались. Гаризенда проиграла, но зато ее увековечил Данте в “Божественной комедии”, о чем свидетельствует табличка с цитатой у основания. Теперь соревнуются иначе: пока рассудительный Турин производит Фиаты, с конвейеров в окрестностях Болоньи сходят такие дорогие игрушки, как Мазерати, Феррари, Ламборгини и Дукати.

Без малого 500 ступенек Азинелли действуют почище рисунков Эшера, но и с пульсирующей от подъема головой я четко вижу сверху мастер-план города, на котором улицы, как нож пиццу, прорезают красно-бурую начинку из черепицы от городских стен к центру. Вспоминаю еще одно название Болоньи — “красная” (la rossa). И хотя часто считается, что красной Болонью кличут из-за ее традиционной левизны и прокоммунистических мэров, таковой она слыла еще до подвигов Сакко и Ванцетти благодаря терракотовому окрасу своих стен и крыш. Правда, зайдя в популярный книжный магазин Фельтринелли, того самого издателя-коммуниста, который первый напечатал на Западе “Доктора Живаго” Пастернака, я вижу у кассы фото покойного хозяина с Фиделем Кастро. Очень обеспеченный городской партизан Фельтринелли подорвался при попытке взорвать ЛЭП (линию электропередач) около Милана в 1972 году. В последнее время богатые левые Болоньи стали куда менее революционными, исповедуя “радикальный шик” в дорогих бутиках.

Пьяцца Маджоре, эта втулка болонского колеса и пупок болонского мироздания, меняет образы в зависимости от времени дня. Утром ее пересекают в разных направлениях спешащие на работу, на лекцию, а то и за карты в бар. После полудня площадь начинает удерживать на себе группки пожилых мужчин или детей, гонящихся голубей. К вечеру ступени собора Св. Петрония, покровителя Болоньи, усажены молодыми людьми разных взглядов, вероисповеданий и ориентаций, от бродяг “панкабестия” до офисного планктона. За их спинами красивый розово-кремо-

Фонтан Нептуна или, как его называют в Болонье за размеры статуи, “Гигант”

вый мраморный низ собора неожиданно кончается, продолжаясь тревожно-темным кирпичным верхом. Собор похож на нечистого, прикрывшегося для приличия ниже пояса. Черт в Болонье, конечно же, носит Праду, и от этого еще более пикантен....

А вот Нептун в окружении русалок-эквибиционисток раздет совсем. В XIX веке горожанки так подолгу засматривались на фонтанирующую скульптуру, что муниципалитет решил одеть бога моря в подобие бронзовых шортиков. С арки Палаццо Коммунале на Нептуна и русалок укоризненно смотрит Папа Григорий XIII — спасибо ему за календарь, по которому мы теперь живем. Во внутреннем дворе Палаццо, где нынче помещается ратуша, репетируют сценку для какого-то спектакля студенты, и их реплики носят под колоннами, выгоняя оттуда голубей. На втором этаже Палаццо заглядываю в музей художника Джорджо Моранди (1890-1964), который любил писать натюрморты и виды из окна. Однажды в Венеции его спросили, почему бы ему не нарисовать тамошний пейзаж, на что он ответил: “Если бы я мог задержаться здесь года на три, то нарисовал бы”. Вот эта неторопливая созерцательность и привлекает в его холстах, контрастируя с работами двух других знаменитых художников Болоньи — Гвидо Рени и Аннибале Карачи.

Город динамично гудит от присутствия 100 тысяч студентов. Что как нельзя кстати, потому что ина-

Галереи аркад в Болонье имеют общую протяженность 38 км.

че, с чуть ли не самой низкой рождаемостью в мире, Болонья была бы довольно скучным местом. В XII и XIII веках Болонский университет задавал тон в Европе, и, что любопытно, это была свободная ассоциация студентов, которые сами выбирали и нанимали профессоров, и занятия проходили на дому. В отличие от тоже древнего Парижского университета, где главенствовала теология, в Болонском изучали римское право, к которому уже потом добавились медицина и философия. Поэтому папам он не подчинялся, хотя последние пытались осуществлять “нравственное” попечительство.

С XVI века и более чем на триста лет Болонья так попала под папский контроль. Разбитной и раскрепощенный университет причинял Ватикану немалое беспокойство, и тогда Пий IV приостановил строительство собора Св. Петрония, который должен был стать самым крупным в Италии, и красивым жестом повелел передать деньги универси-

Улочка в районе
Меркато ди Меццо

Гербы на сводах
Палаццо
Арчиджинасио

тету. В результате верхняя половина фасада собора стоит необлицованной, а вот по Палаццо Арчиджинасио, где под одной крышей первый раз объединились университетские службы, я ходил, задрав голову и рассматривал гербы профессоров, ректоров и студентов. Среди них были Петрарка, Данте, Коперник, Дюрер и Гальвани, который застыл на постаменте у входа в здание с книгой и лягушкой — уже разделанные, они продаются за углом на красочно-рыночной Виа Клаватуре. Гальвани отказался принести клятву на верность Наполеону, захватившему Болонью в 1796 г., за что был лишен кафедры. В анатомическом театре папские легаты через решетку наблюдали за происходящим на мраморном столе, готовые прервать диссекцию, коль только она посягала на священное: лезвие ножа не могло касаться двух органов — сердца и мозга. Арчиджинасио заворачивает. Прямо вижу, как ходил под средневековыми сводами Умберто Эко, уже свыше

30 лет преподающий здесь семиотику, и вынашивал свой монашеский триллер “Имя розы”. Шучу с заговорившим со мной студентом, забредшим сюда в университетскую библиотеку, что, мол, в таком университете просто невозможно плохо учиться — он смеется.

Другое примечательное университетское здание — нынешний ректорат, Палаццо Поджи, где эффектные потолки и фрески барокко соперничают с таинственной атмосферой кунсткамеры. Тут и старинные астролэбии, и рог единорога (при ближайшем рассмотрении — резной китовый зуб). Гран-при срывают гипернатуралистичные скульптуры из медицинской коллекции XVIII века, иллюстрирующие разные положения плода, и мужские и женские восковые фигуры в динамичных позах, но со снятой кожей. Пока гид рассказывает, что восковые изваяния настолько детальные, что современные ученые определили болезни, которыми страдали “проборазы”

300 лет назад, я смотрю на жемчужное ожерелье, украшающее шею женщины с развернутой грудной клеткой и зародышем в чреве, и думаю, что у Рона Мьюека был в Болонье предшественник эпохи просвещения в лице Эрколе Лелли, чья подпись стоит на анатомических скульптурах. Опять от Болоньи веет театральностью, теперь на стыке науки и искусства.

После экспозиции Палаццо Поджи хочется свежего воздуха и глоток просекко, и ноги несут меня к площади Джузеппе Верди. Верди родился в Ронколе, в часе езды от Болоньи, но не был тут признан — город предпочел его соперника, Рихарда Вагнера. А я с аппетитом отдаю предпочтение тальятелле, жареному кролику и паннакотте. Подавляющее число людей в мире заблуждается, думая, что соус болоньезе, во-первых, являет собой томатно-мясную подливку, присыпанную пармезаном, и, во-вторых, подается к макаронам. Большого богохульства болонцы себе представить не могут. В Болонье у него молочная основа, помимо говядины обязательно присутствует панчетта, а вот пармезаном там и не пахнет. И сервируется он исключительно с плоскими тальятелле. Как приезжаем в Италию легко оказаться профаном!

И все же, уезжая из Болоньи решительно более *dotto*, слегка более *grasso*, и, если считать обгоревший во время прогулок нос, чуть более *rosso*.

Алексей ДМИТРИЕВ